

УДК 176+177.6

ПОЛ КАК ИСТОК ЖИЗНИ: В.В. РОЗАНОВ, Л.Н. ТОЛСТОЙ, М.И. ЦВЕТАЕВА

И.В. Брылина

Томский политехнический университет
E-mail: ibrylina@yandex.ru

Анализируется проблема пола как феномена культуры в целом, и рассматривается одна из теорий пола («детородильная религия» В.В. Розанова), сложившаяся в русской философии конца XIX – начала XX вв. и созвучные ей взгляды в художественной литературе (Л.Н. Толстой, М.И. Цветаева, акмеизм). Пол рассматривается как исток жизни в связи с феноменами любви, семьи, брака, развода, деторождения, аскетизма, целомудрия и бессмертия.

В современной научной литературе стал модным термин «гендер» и всевозможные «гендерные исследования». Однако, на взгляд автора статьи, американский термин «гендер» имеет более узкое значение, чем его русский аналог «пол». Если, говоря о гендере, речь идет исключительно о социальных проблемах полов, их различий в юридических правах, трудовой занятости, моральных стандартах, психологии и т. д., т. е. преимущественно о том, что их разделяет, различает, то, в противоположность этому, русский термин пола говорит не о том, что людей разделяет, а том, что их объединяет. В этом подходе ясно просматривается принципиальная позиция традиции всей русской философской мысли. Прежде всего, хотелось бы отметить, что понятие «пол» в русском языке многозначно. Прежде всего, пол – это то, по чему мы ходим. Его символический смысл – то, что является базой, основой для всего; во-вторых, пол – это родовой признак человека (то, что мы указываем в анкетных данных). В этом смысле «пол» тождественен аналогичному понятию «гендер». И, наконец, пол – это указание на то, что предмет не целостен, а его часть, а именно 1/2 часть – половина. В данном контексте мы не можем не вспомнить мифологическое предание об андрогинах, религиозное «Два да одно будут». Речь идет о целостном человеке, о том, что «пол» – это еще не целый человек, это – его половина. В силу этих размышлений автор использует в статье понятие пола, а не его зарубежного аналога. Так что же такое пол и как его понимали в русской философской мысли?

Первым, кто поднял половой вопрос в России, обсуждение которого прежде считалось делом непристойным, даже неприличным, был В.В. Розанов. В своих работах: «Религия и культура» (1899 г.), «Семейный вопрос в России» (1903 г.), «Темный лик» и «Люди лунного света» (1913 г.), трилогии «Уединенное» (1912 г.) и «Опавшие листья» (Короб первый 1913 г.; Короб второй 1915 г.) и многих других, – В.В. Розанов пытается доказать, что все проблемы общества экономического, политического, правового, морального и духовного содержания имеют под собой пол, хотя и в скрытом виде. Проблема пола и любви является главной, так как в ней сокрыты тайны рождения и смерти, и человечество должно с полной серьезностью отнестись к своему полу – истоку жизни. В.В. Розанов призывает, оставив пошлость и

лицемерие, отбросив ложную стыдливость, перейти к серьезному отношению и изучению вопроса пола. Его беспокоит то, что ни один из крупных русских мыслителей никогда ничего не говорил о поле, браке, семье. Он считает, «что единственно Владимир Соловьев написал «Смысл любви», но ни одной строчки в 10 томах «Сочинений» не посвятил разводу, девственности вступающих в брак, измене и вообще терниям и мукам семьи. Ни одной строчкой он не помог. Когда я издал 2 тома «Семейного вопроса в России», то на книгу не только не обратили внимания, но во всей печати о ней не было сделано ни одной рецензии и ни одного указания или ссылки».

«Семейного вопроса в России» и не существует. И насколько семья нужна каждому порознь, настолько же вообще все ... к ней равнодушны и безучастны» [1. С. 328], – сетует автор. Это противоречие действительности не давало покоя В.В. Розанову всю жизнь. Это всеобщее молчание заставляло его вновь обращать внимание современников на важность проблемы пола, любви. И, если он оставался не услышанным или непонятым своими современниками, то мы, для объективности исследования темы, должны обратить свое пристальное внимание на его взгляды по данному вопросу.

В.В. Розанов считал, что жизнь начинается там, где в существах начинаются половые различия. «Половая жизнь – тема всей нашей цивилизации», – утверждает он в книге «В мире неясного и нерешенного». В ней же дается первый набросок «Культы солнца» как начала жизнетворного, родящего, в котором воедино сливаются религия, семья, пол. «Культу солнца» В.В. Розанов противопоставляет «Культу луны», олицетворяемый богами Молохом и Астратой. Этот «бог разрушения и враг жизни ... требовал уничтожения той силы, которая служила к продолжению существования на земле человеческого рода, – половой любви» [2. С. 3]. И соответственно этому культу появлялись, так называемые, «люди лунного света». Проявление истинной сущности любви и семьи В.В. Розанов видел в «Культе солнца», который наилучшим образом воплотился, по его мнению, у евреев и древних египтян. Это противоречие в поле, проявляющееся в двух культурах, было заложено самой Библией в противоречии между Ветхим Заветом, пронизанным религией пола и семьи, и Новым Заветом – требованием поста и безбрачия, источником аскетизма.

В.В. Розанов полагал, что до появления христианства мир был чище, лучше. Его жизнь была полной, гармоничной. Ни в чем не было разлада – ни в жизни природы, ни в жизни человека. Смысл жизни был в самой жизни, наслаждении её дарами.

Но вот пришло «Евангелие». Оно открыло миру новый, неведомый язычеству смысл. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умирать для жизни. Языческий мир был наполнен радостью, христианский же – болью и горем. «Боль мира победила радость мира – вот христианство. И мечтает вернуться к радости. Вот тревоги язычества» [2. С. 23]. Если Ветхий Завет – путь жизни, то Новый Завет – путь смерти. С таким требованием Розанов не мог не согласиться. Это и предопределило его отношение к Новому Завету, христианскому миру вообще.

В.В. Розанов, как и В.С. Соловьев, начинает рассматривать проблему пола и любви в связи с законами природы (органический мир – неорганический, растительный – животный). И говорит, что разделение на полы и отношение между ними управляется естественными законами. «Пол был бы совершенно ясное или довольно ясное, если бы он состоял в периодически совершающихся совокуплениях самки и самца для произведения новой особи: тогда это было бы то же, что стихии кислорода и водорода, образующие «в соединении» третье и «новое существо» – воду. Но кислород и водород «противоречий» не знают ..., т. е. они соединяются механически: всегда и без всяких различий. Индивидуум же начинается там, где появляются эти различия. Где уже не любое соединяется с любым, а только с чем-то определенным. Где законам природы и механики сказано «нет» [2. С. 29].

«... лицо в мире появилось там, где впервые произошло «нарушение закона». Нарушение его как единообразия и постоянства, как нормы и «обыкновенного», как «естественного» и «всеобщегоожидаемого» [2. С. 30]. Таким образом, в природе совершился переход к следующему этапу развития – от единообразия к многообразию, от постоянства к переменчивости, от общего к индивидуальному. Миру явилось такое начало как лицо, личность, как «я» в мире. Суть «я», – пишет В.В. Розанов, – именно в «Я». Это и не добро, и не зло: точнее «добро» заключается в обособлении, в несмешивании, в противоборстве всему, а «зло» я заключается в слабости, в уступчивости, в том, что оно хотя бы ради «гармонии» для избежания «ссоры» мирится с другим, сливается с ним. Тогда есть мораль, но нет лица...» [2. С. 30–31]. Очевидно, здесь В.В. Розанов вступает в полемику с В.С. Соловьевым, считавшим эгоизм самым большим «злом», который человеку необходимо преодолеть силой любви для сохранения своей индивидуальности. Розанов считает эгоизм «добром», так как в нем человек самоутверждается, проявляется его личность. «Эгоизм – не худ; это кристалл (твердость, нерушимость) около «я» ... если бы все «я» были в кристалле, то не было бы ха-

оса, и, следовательно, «государство» было бы почти не нужно ... не нужно общего ... и тогда индивидуальное вырастет» [1. С. 91].

Таким образом, всеобщее уступает место индивидуальному, из первоначального единства мира происходит его многообразие. И этим «всеобщим» и «единым» является Бог. Вернее «боги» поправил бы В.В. Розанов. Так как «есть два бога, – и с его точки зрения, – мужская сторона его, и сторона женская. Эта последняя и есть «Вечная Женственность», мировая женственность, о которой теперь начали говорить повсюду» [2. С. 31]. Первый же человек – «Адам, по образу и подобию сотворенный», был в скрытой полноте своей Адамо-Евою, и самцом и самкою, кои разделились, и это – было Сотворение Евы, которою, как мы знаем, закончилось творение новых тварей» [2. С. 33]. И так, вся жизнь была разделена на два пола, всё стало мужем или женой, самкой или самцом. С этого момента начинают проявляться индивидуальные особенности. Эти индивидуальные особенности были названы В.В. Розановым напряженностью пола. Так как эта характеристика у каждого индивидуума проявляется не в одинаковой степени, то В.В. Розанов предлагает выражать её в ряде натуральных чисел: ... +8 +7 +6 +5 +4 +3 +2 +1 0 –1 –2 –3 –4 –5 –6 –7 ...

Наибольшая напряженность пола проявляется в наибольшей «самочности», т. е. в сильнейшем стремлении самца к обладанию самкой и, напротив, в томительнейшем ожидании и желании самки принадлежать самцу. Самец и самка – по сути противоположны. В своем проявлении наибольший самец и наибольшая самка суть:

1. герой, деятель;
2. семьянинка, домоводка.

Один будет: деятелен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен ...; другая же: тиха, нежна, кротка, безмолвна...

«Вечная Женственность» – прообраз одной, «Творец миров» – прообраз другого [2. С. 39].

Но «Вечная женственность», как проявление повышенной «самочности», вошла в древнюю историю фактом «священной проституции». (Ведь существуют же всемирные писатели, ученые, политики и др. Надо же кому-то быть «всемирной женой» и «всемирной матерью», «всемирной невестой» ...). «Святая проституция» относится к наивысшей степени напряженности пола +8 +7 +6 ... Следовательно, «самочность» не есть величина постоянная, неизменная. Она подвижна («текуча») – в одном может быть больше «самца», чем в другом. Так, по мере приближения к низшим числам +3 +2 +1 женщина теряет женственность (голос грубеет, манеры становятся резче). Затем наступает «0». Это не означает физической «смерти», – только абсолютную невозмутимость пола, его отсутствие. Здесь совсем нет «Вечной Женственности», зато цветут науки, философия. Таким образом, в проявлении пола В.В. Розанов видит два противоположных полюса:

- повышенную «самочность» как приближение к «Вечной Женственности»,
- монастырь (тоже вполне естественный).

В «Опавших листьях» В.В. Розанов по этому поводу высказывает такую невеселую мысль: «Все женские учебные заведения готовят в удачном случае монахинь, в неудачном — проституток. «Жена» и «мать» в голову не приходят» [1. С. 126]. Этой «золотой серединой» является брак. Он зарождается в умеренных степенях половой напряженности (+3 +2 +1). Брак утверждает привязанность одного к одной, довольство одною. Для женщин замужество — как второе рождение, поправка первого. А в мужчине женщина «выравнивает его кривизны», незаметно «ведет его к идеалу, к лучшему». Брак — это «небесный огонь», которым «связывается все человечество, начав религию рождения, взамен религии умирения» [1. С. 449]. Брак побеждает смерть фактом рождения. Родители жертвуют эгоизмом ради бесконечности и бессмертия в своем потомстве. Но это не «дурная бесконечность», как у Соловьева, а «положительная», ибо только этим путем человек может победить смерть. Жизнь человека, как считает В.В. Розанов, «стоит на двух якорях»: один якорь — родительский дом, другой якорь — венец. Он — пристань «отчала» и пристань «причала». Окончательный же «причал» — могила. И, замечательно, что к нему ведет любовь. «Но любовь — это «опять рожу», и стану для детей «пристанью отчала» [1. С. 64]. С чего начинается, тем и заканчивается ... И процесс этот вечен и бесконечен.

Потому не страшна смерть, что закон рождения делает человечество в целом и каждого в отдельности бессмертным. Ибо умирает только физическое в человеке (тело), только оно достается могиле, метафизическое же — дух — продолжает жить вечно. «Святое рождение» воскрешает древние, дохристианские Небеса: «мертвым» совершенно незачем исходить из могил ... Смерть не есть смерть окончательная, а только способ обновления; ведь в детях в точности я живу, в них живет моя кровь и тело, и, следовательно буквально я не умираю вовсе, а умирает только мое сегодняшнее имя. Тело же и кровь продолжают жить; и в их детях — снова, и затем опять в детях — вечно! Только бы, значит, рождалось, и — «я никогда не умру». Точно «снимаются сапоги»: «одни сапоги», «другие сапоги», а «ходит в них один». Этот один некто и есть «Адам» — «Я» — бесконечный потомок наш» [2. С. 70]. Таким образом, смерть есть только способ обновления жизни. Покойникам уже не надо «выходить из могил», ведь они продолжают жить на земле, только не в тягостном для себя состоянии старости, а в вечно молодом, счастливым. «Что за счастье — прожить 1.000.000 стариком; лучше прожить «60 лет + (60×3) + (60×3×3) + (60×3×3×3) и т. д.» [2. С. 71], — считает В.В. Розанов.

Таким образом, он пытается доказать, что нет греха в деторождении (и зачатии). Оно — «угодно Богу». «Тогда неудержимость рождения становится понятной, как исполнение воли Всемогушего и

Всеволящего» [2. С. 71]. Тогда совершенно неоправданными становятся аскетизм и монашество. Древняя священная заповедь «чти отца и мать твою» только так и должна быть понята как почитание родителей в родителе-же, в новом родительском акте, в повторении в себе этого акта, через который твои родители стали твоими родителями ... «почесть» и «почитать» родителей только и можно, совокупившись в память их (если умерли, в честь их, во славу их, во имя их, в радость им (если живы))» [2. С. 119]. Эта заповедь означает требование — не оставаться безбрачным, не оставаться бесплодным на радость родителям. Ведь ничто так не радует родителей в своих детях — ни богатство их, ни успешная карьера — как радует рождение внуков, которое ожидается всеми жадно и нетерпеливо. Не только родители его ожидают, его ожидает сам Бог. Этому Божескому ожиданию и отвечает волна страсти в людях.

Но что есть истинный брак? В чем его сущность? Его основа? Покоится ли он только на материальном начале (половой любви супругов) или существует другое истинное начало брака — в нравственности, духовной близости? И как соединяются в нем материальное с духовным?

На эти вопросы В.В. Розанов отвечает так: «... брак фактическим своим содержанием ... всецело покоится на одном материальном начале. И самая любовь супругов ... индивидуализированное органическое влечение, или лучше, она есть просто опозитивированная половая страсть» [2. С. 125]. Но подобное утверждение многим может показаться несправедливым, если его не обосновать. Поэтому В.В. Розанов говорит, что в действительности существует «фактическая возможность брака», которую никакие «благородные начинания» человека никогда не в состоянии изменить. Возможность брака складывается из синтеза 3-х основных моментов:

1. инстинкт рода — начальное побуждение к браку,
2. дети — конечное его завершение,
3. физическое единение супругов, родовой акт — как связь начального и последнего моментов. Переменить фактическую возможность брака не только вне человеческой власти, но и вообще чьей-либо. Любой брак, заключенный помимо этого основания становится бессмысленным «содружеством двух» (ибо, почему бы тогда «не 3, 4, 10 и т. д. лиц»).

«Только дети дают исключительно возможный разумный смысл брака для естественного человека. А так как этот разумный смысл брака не может быть осуществлен никаким иным путем, кроме супружеского сожительства, то поэтому — все попытки создать брак на иных началах и нужно признать аномалиями» [2. С. 119]. Особенно категорично В.В. Розанов относится к такой аномалии как исключительно нравственная любовь, которая единственно проповедуется Новым Заветом. Он пишет: «В христианском мире уже только возможна нравственная лю-

бовь, нравственная привязанность. «Тело как святыня (Ветхий Завет) действительно умерло, и телесная любовь невозможна. Телесная любовь осталась только для улицы и имеет уличные формы» [1. С. 322].

Подлинную сущность брака В.В. Розанов утверждает в половой (телесной) любви. «Без телесной приятности нет и духовной дружбы. Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела» [1. С. 181], – говорит он. Нравственное чудо любви осуществляется как раз в «совершенной отдаче себя другому». Но при полной «отдаче себя другому», т. е. в родовом акте общения неизбежны нравственные мучения личности в форме стыда. Сам по себе родовый акт неизменен, и потому неизбежно он будет вызывать стыд у всех людей, вне зависимости от того происходит ли это в законном браке, где является дополнением и реализацией любви, или вне брака, когда он становится целью сам по себе, ради наслаждения. И чем нравственнее личность, тем сильнее ей ощущается недолжность половых отправлений. Полное же отсутствие стыда свидетельствует о полном нравственном падении личности.

Только любовь оправдывает телесную связь, а без любви, при обмане она становится «развратом». Следовательно, необходимым становится требование развода. Развод – это «регулятор брака», тела его, души его ... Но в физической любви полов заложено не только стыд, но и целомудрие. «Оно есть черта именно и специально пола; это не качество ума, не способность сердца, не принадлежность характера; это уважение человека к своему полу, молчаливое и бережное отношение к нему как к ненарушимо – святому в себе» [1. С. 451]. Целомудрие – это «сияние» пола. Оно не исключает плотской связи, напротив, предполагает ее. Целомудрие есть черта «деятельного, а не молчащего пола». Идеалом величайшего целомудрия является «Вечная Женственность», а не «Вечное Девство». Его идеал суть жена, мать, но не дева. От того половой акт становится не актом разрушения, а приобретения целомудрия, не дробления, а создания личности.

Но, кроме деятельного целомудрия, приобретаемого в акте полового общения, существует ещё молчащее целомудрие как охранение девственности. Таких людей Розанов называет «третьим полом» или «людьми лунного света». Это явление наблюдается при «0» степени половой напряженности. Здесь начинается переход мужчины в девичество, и наоборот. Они образуют муже-девство или дево-мужество (полу-гомосексуальность или полусодомию). Этот переход выражается в [2. С. 96]:

1. молчанию полового аппарата, – вечной сытостью собою и в себе;
2. чувстве отвращения к половому акту;
3. неспособности совершить его (полной или почти полной);
4. сохранении вторичных качеств супруга (или девушки); влечения не плотского, а духовного, спиритуалистического.

Можно сказать, что этот древний «Адам», из которого еще не вышла Ева; первый полный Адам. Он древнее того первого человека, который начал размножаться [2. С. 101].

Но «текучесть» пола переходит и за отметку «0». Здесь происходит активное отрицание своего пола, как ненужного, излишнего. И от влечения к противоположному полу человек переходит к влечению слияния со своим полом. Этот пол можно было бы назвать «третьим», если бы это не было, все-таки, странным образом перемешанного мужского и женского начала. Но появляется «третья психика» – ни мужская, ни женская. Какова она? – Полный отказ от семьи, брака. Полное отсутствие любви к детям, предкам. В этом – «все христианство», – говорит В.В. Розанов.

В результате анализа половой напряженности, В.В. Розанов приходит к заключению, что все виды любви: детская, родительская, аскетическая любовь к противоположному полу и к своему, по сути есть проявления половой любви, ...обычный человек весь, – пишет В.В. Розанов, – есть только трансформация пола, и своего и универсального... ничего третьего не полового ... не было: и, следовательно, неоткуда взяться ничему третьему в нас, ничему не половому ... И даже когда мы чего-нибудь делаем или думаем, хотим или намерены якобы вне пола, «духовно» даже что-нибудь замышляем противо-полое – это есть половое же ... человек ... во всем своем «я», «целом» и «дробном» – половое же существо, страстно дышащее полом и только им ...» [2. С. 73–74]. Итак, пол – это человек, и тело, и душа, и мысли. Пол – это волнение в человеке, текущее от + через ноль до –. Ведь в каждом человеке оба пола (от отца и от матери). Они совмещаются в каждом человеке как два света: солнечный – «греющийся», «органический», «деятельный» и «лунный» – «холодный», «светящийся», «спиритуалистический», – лишь в разной степени.

Таким образом, вся теория любви В.В. Розанова сводится к семейно-брачным отношениям и основывается на «детородильном» принципе. Все виды любви – суть проявления пола человека. Ибо пол, по его мнению, не есть одна только физиология, он развит по всему существу человека. «Любовь есть бесконечно личное чувство» [3. С. 313.], – говорит В.В. Розанов. Но только в рождении детей он видит единственную возможность утверждения человеческой личности, достижение личного и родового бессмертия. «Рождаемость не есть ли то же выговаривание себя миру» [1. С. 145]. Здесь у него проявляется смешение родового и личного начал. Личность существует только для реализации целей рода человеческого. С этим смешением совершенно не согласен был Соловьев, да и многим может показаться сомнительным возведение единственно материального основания в сущность и смысл любви. Но именно на этом основании В.В. Розанов отказывает истине новозаветной заповеди «не тяготей к женщине» и утверждает истину ветхозавет-

ного требования «Возлюби ближнего ...». Безбрачию, посту, аскетизму, «бессменности» Нового Завета, он противопоставляет «фаллический культ» язычества, «семенность» Ветхого Завета; религии умирания противопоставляет религию рождения. «Нет высшей красоты религии, чем религия семьи» [1. С. 452], – провозглашает В.В. Розанов ...

Одним из авторитетнейших мыслителей XIX в. В.В. Розанов считал Л.Н. Толстого. В статье, опубликованной в день 80-летия писателя, он отмечает, что «... радость и счастье и поучительность чтения Л.Н. Толстого вытекают из того, что, читая его, мы испытываем впечатление знакомства с настоящей реальной жизнью» [4. Т. 1. С. 6]. Религиозные и этико-философские взгляды Л.Н. Толстого изложены им в книгах «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день» и наиболее зрелом трактате «Путь жизни». Однако, лучшим образом «Религии семьи» Толстого являются, все-таки, его повести и романы, которые либо целиком посвящены идее укрепления и бережного отношения к семье («Анна Каренина», «Крейцера соната», «Воскресение»), либо эти мысли бисером рассыпаны по ткани романа («Война и мир»).

«Крейцера соната», по мнению В.В. Розанова, отражает Вечность. Она содержит 2 смысла: тайный и явный. Явный смысл кажется направленным против брака. Евангельское изречение «Лучше не жениться» развернуто на страницах повести, представлено в эпиграфе, вставках о прекращении рода человеческого. Тайный же смысл «Сонаты» состоит в утверждении брака и глубоком недоумении: что же он есть такое? [4. С. 442–443]. Это произведение содержит живую идею Л.Н. Толстого о вечном, «божьем» в семье. В его творчестве мы находим отголосок идеи В.В. Розанова о тождестве любви и брака, утверждение мысли о правильной семье. Смысл трагедии Анны Карениной заключается в том, что продолжение брака становится невозможным, аморальным, когда умирает любовь. В отличие от Ф.М. Достоевского, у Л.Н. Толстого образ пола остается целомудренным, его отрицательные и грязные проявления не находят отражения.

Идеи В.В. Розанова о реабилитации «святой плоти», прославление оргиастичности, дионисичности жизни нашли отражение в культуре серебряного века в поэтическом творчестве акмеистов (Н. Гумилёва, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака. С. Городецкого и др.), отчасти, старших символистов и писателей без определенной принадлежности к школам (М. Цветаевой, М. Кузмина и др.). Если в романтической поэзии младосимволистов (Ю. Балтрушайтиса, А. Белого) апология человека обнаруживает себя через утверждение личности, то в поэзии старших символистов представлена попытка поставить на место человека народ как дионисийски страстного носителя национальных стихий, хаоса (В. Брюсов, Ф. Сологуб). Своего поэтического апогея апология земного достигает в творчестве акмеизма, пришедшего

на смену кризисному символизму (1910 г.). Акмеисты утверждают необходимость «возрождения» поэзии и её возвращения из мистического символизма к земному реализму.

Исключительно важным аспектом Русского Эроса является тот факт, что общее поэтическое возрождение было связано с возрождением женского творчества. Современная американская исследовательница Шарлотта Розенталь, автор многих трудов, посвященных русским женщинам-писательницам XIX–XX вв., высказывает мнение, что «по отношению к «женской» литературе – это время можно назвать не «серебряным», а «золотым» веком» [5. С. 58]. Действительно, женская поэзия приобрела собственное лицо, голос, она значительно обогатила русскую культуру своим сокровенно-интимным подходом к главной теме человеческого бытия – любви. Русские писательницы поднимают тему заботы и материнства, которую мужчине не дано осознать и прочувствовать. Здесь можно назвать стихотворения Г. Галиной «Мать», М. Лохвицкой «Сопернице», «Умей страдать» и др.

Наиболее яркой представительницей гендерного творчества является М.И. Цветаева. Американский исследователь С. Сандлер определяет его как андрогинное [5. С. 117–125]. Проза и поэзия М.И. Цветаевой представляет уникальный феномен в силу того, что поэтесса выступает перед читателем одновременно в двух ипостасях: поэта, обладающего даром глагола и, в этом творческом процессе, идентифицирующего себя с мужчиной (Пушкиным); как женщина она выступает по вопросам, связанным с темой материнства и детства. В стихотворениях 1934 г. «Под шалью» и «Сивилла» Цветаева осмысливает тему материнства, которая ассоциируется у неё с поэтическим актом рождения стиха как дитя. Женское сексуальное «Я» метафорически превращает беременность в способность прорицать будущее. Рождение стиха, как рождение ребенка – поступок, слово женщины миру. Поток стиха сравнивается с потоком крови. Цветаева переворачивает образ его творения – это уже не просто акт рождения на свет ребенка, а, наоборот, – акт отдавания своей собственной жизни, мгновенное или медленное убийство, когда родители всю жизнь по капле отдают своим детям, истощая силы в их вскармливании и воспитании.

Наиболее созвучным идеям В.В. Розанова в творчестве М.И. Цветаевой является «Письмо к Амазонке» – трактат-размышление о судьбах земной любви и высшем женском предназначении. Вслед за В.В. Розановым она отделяет родовой инстинкт от христианской веры. «Есть вещи несоизмеримые: Христос и плотская любовь... Богу нечего делать в плотской жизни ...», – приходит она к выводу. Главной карательницей человеческих отступничеств писательница считает Природу, которая карает человека вырождением за всевозможные извращения человеческого естества (аскетизм, однополую любовь). М.И. Цветаева считает родовой ин-

стинкт врожденной данностью, которая существует в человеке, а особенно в женщине, задолго до зарождения любви. Потому она не судит, а казнит Амазонку за отступничество от своего верховного предназначения, но не от своего имени и не своими руками, а от имени Природы, руками Ребенка. «Ребенок: единственная погрешность, единственная уязвимость, рушащая всё дело (женской любви). Единственное, что спасает дело мужчины. И человечества» [б. С. 69], так как женщина не может устоять не перед искушением мужчины, а перед жадной иметь ребенка. Только Природа способна оправдать все несовершенство земной любви, расставить все на свои места: «Нельзя жить любовью. Единственное, что живет после любви, — это Ребенок» [б. С. 4], — утверждает писательница. Подлинное единство и целостность любящих людей М.И. Цветаева рассматривает не по Святому писанию, гласящему «Два будут одно» (1 посл. Коринф. 6:16), а по В.В. Розанову, утверждая, что «два будет трое» [б. С. 68–69].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розанов В.В. Уединенное. — М.: Правда, 1990. — 544 с.
2. Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. — М.: Дружба народов, 1990. — 304 с.
3. Розанов В.В. Возрасты любви // Философия любви: В 2 ч. — Ч. 2. Антология любви / Сост. А.А. Ивин. — М.: Политиздат, 1990. — 605 с.
4. Толстой Л.Н. Круг чтения. Т. 1 / Сост. А.Н. Николюкин. — М.: Политиздат, 1991. — 478 с.

Утонченная эстетика и одухотворенная эротика серебряного века вошла в ткань всех художественных произведений того времени. Цензурные послабления времен революционного подъема позволили откровенно заговорить о проблеме пола.

Таким образом, в русской философской мысли «серебряного века» сложилась устойчивая традиция рассмотрения пола как центра, средоточия личности. Пол неразрывно связан со смысложивненной философской тематикой — любовью, жизнью, смертью, целомудрием, рождением, семьей, браком, разводом, бессмертием и воскресением. Теория «детородильной религии» В.В. Розанова противопоставляется новозаветной «религии смерти» как путь ее реального преодоления. Пол рассматривался как исток жизни, источник культуры и творчества, переход к жизни бессмертной, к Богу. Философским идеям В.В. Розанова созвучны мысли многих русских писателей и поэтов «серебряного века».

5. Русская литература XX века: Исследования американских ученых. — СПб.: Петро-РИФ, 1993. — С. 58–69; 234–257.
6. Цветаева М.И. Письмо к Амазонке // Эрос. Россия. Серебряный век. — М.: Серебряный бор, 1992. — С. 62–76.

Поступила 15.09.2006 г.

УДК 316.356.2+316.356.4

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.Л. Бокова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
E-mail: filios@bsu.ru

Проанализирована система как внешних, так и внутренних факторов, оказывающих влияние на динамику межнациональной брачности. Выявлены основные тенденции развития этого явления.

Межнациональная семья — это одна из основных микроячеек полиэтнического общества, своеобразное средоточие его существенных особенностей. В такой семье как в фокусе можно увидеть всю сложность межэтнического взаимодействия. В ее рамках проявляются различные этносоциальные, этнокультурные, этнодемографические процессы и др. Так, в межнациональных семьях реально проявляются культурно-психологические особенности различных этнических групп. Внутренняя атмосфера в таких семьях, больше чем в однонациональных, способствует выработке толерантности, некоторых черт интернационализма, уважения и терпимости к обычаям и традициям других этносов. Это с одной

стороны приводит к стабильности межнациональных семей. А с другой — делает их фактором, причиной устойчивости самого социума, в котором они существуют. Одновременно межнациональные семьи нередко выступают как основание нестабильности общества. Это происходит тогда, когда в подобных семьях возникают противоречия, в частности, разногласия супругов. Обычно источником разногласий в межнациональных семьях может быть противоречивость потребностей супругов, вытекающих из различий их национальных культур, формирующих специфику их национального сознания и самосознания. Как показывает социальная практика, именно в межнациональных семьях за-